Вот! Легкий привкус жимолости - ее сладкий, похожий на ваниль аромат смешивался со знакомым запахом клубники, неправильность запаха сразу напомнила об одном из многих ядов, которыми ее кормил Дамблдор. В варенье было добавлено «Застывающее зелье», которое при попадании в организм превращало кровь в желе. Кто-то только что пытался отравить ее. Снова.

Она была удивлена тем, насколько спокойно себя чувствовала. Почему она не паникует? Паника, конечно, была нормальной реакцией на то, что кто-то пытается тебя убить, но она просто почувствовала... онемение. Только дрожь ее руки, когда она опускала тост обратно на тарелку, выдавала прилив адреналина, бурлящий в ее венах. Она чувствовала себя странно отделенной от своего тела, как будто его реакция происходила совершенно независимо от нее.

Она крепко ухватилась за стол, чтобы не упасть, и оглядела Большой зал. Ей нужно было сосредоточиться. Наблюдал ли кто-нибудь за ней, ожидая, когда яд подействует? Ее потенциальный отравитель, должно быть, подлил зелье в джем как раз перед тем моментом, когда она собиралась намазать его, иначе полдюжины других студентов бились бы в конвульсиях на полу. И все же, переводя взгляд со стола на стол, она не видела ничего плохого: веселая болтовня за завтраком продолжалась в обычном режиме, студенты совершенно не обращали внимания на преступление, которое только что произошло среди них.

Только когда она посмотрела на учительский стол, то узнала виновника. Профессор Дамблдор поймал ее взгляд, подмигнул и поднял свой кубок за нее в тосте.

Виктория в шоке посмотрела на свой тост. Дамблдор! Было ли это испытанием? Предупреждением? Или просто эксцентричным способом привлечь ее внимание?

Она была так поглощена своими мыслями, что едва заметила прибытие почты, стропила Большого зала наполнились хлопаньем крыльев и криком сов, каждая из которых кружила над столами прежде, чем пикировать на получателя своего груза. Одна из сов пролетела над головой, и ее размышления были прерваны письмом, упавшим на ее тарелку, пергамент приземлился прямо в отравленный джем. Все еще взволнованная, она надеялась, что другие девушки не заметили, как дрожат ее руки, когда она сломала печать и развернула пергамент.

Дорогая Виктория,

Пожалуйста, примите мои извинения за то, что я не смог связаться с Вами раньше, но, к сожалению, я был занят постоянно требовательной Международной Конфедерацией Волшебников. К счастью, теперь у меня более щадящий график.

Как Вы, возможно, помните, перед рождественскими каникулами я упоминал, что мы должны периодически проводить наши ужины, чтобы Вы могли продолжать расширять и совершенствовать свои вкусовые горизонты. Поэтому я с нетерпением жду встречи с Вами сегодня вечером в 6 часов.

Искренне Ваш,

Профессор Дамблдор.

Виктория вздохнула, напряжение покинуло ее. Теперь все обрело смысл: яд в варенье был всего лишь прелюдией к возобновлению ее уроков. Она угрюмо посмотрела на свой испорченный тост, желая, чтобы Дамблдор выбрал метод, который не портил аппетит за завтраком.

Прозвенел колокол Северной башни, и Большой зал опустел. После короткого визита обратно в общежитие, чтобы освежиться, слизеринские девочки отправились на свой первый урок этой недели - историю магии. С Рождества они изучали войны гоблинов, и теперь они перешли к семнадцатому веку, когда войны за Волшебный лес привели их к новой теме - основанию Международной Конфедерации Волшебников.

Профессор Фламель был самим собой, сонным и легко отвлекающимся, но он поддерживал интерес с помощью личных анекдотов и интересных вопросов. На этой неделе он хотел, чтобы класс задался вопросом, почему волшебные палочки должны быть разрешены только волшебникам.

- Мы их изобрели, - предположил Терри Бут. - Почему гоблинам должно быть позволено красть то, что придумали волшебники?

Класс одобрительно зашептал.

- Но это было не то, что гоблины пытались сделать, - ответил профессор Фламель. - Гоблины экспериментировали, пытаясь открыть для себя, как создавать волшебные палочки. Тем не менее, когда волшебники узнали об этом, мы объявили войну прежде, чем гоблины смогли добиться успеха.

- Потому что гоблины были угрозой, - сказал Драко, не дожидаясь разрешения говорить. - Каждый раз, когда у гоблинов была сила, они использовали ее, чтобы попытаться победить волшебников. Только посмотрите на все войны, которые мы изучали! Им нельзя доверять волшебные палочки.

Профессор Фламель кивнул, но, похоже, он не был согласен с Драко. - Это распространенный аргумент. Но гоблин сказал бы, что они сражались за равенство с волшебниками, а не за господство. - многие студенты насмешливо фыркнули при этой идее, а профессор Фламель с удивлением огляделся вокруг. - Конечно, при анализе это может быть слишком идеалистическим взглядом.

Виктория подняла руку. - Сэр, а что, если бы гоблинам удалось раздобыть собственные палочки? Смогли бы они творить заклинания?

- Не так, как мы с вами", - начал профессор Фламель. - Магия гоблинов отличается от магии волшебников, и предоставление им волшебных палочек этого не меняет. Тем не менее, палочка - это мощный инструмент для любого магического существа... можно предположить, что гоблины развили бы и усовершенствовали свою собственную разновидность магии до такой степени, что она могла бы соперничать с нашим волшебством.

- Ну, слава Мерлину, что они этого не сделали, - произнес Драко, - иначе мы все говорили бы на гобблидуке.

Профессор Фламель подергал свои усы, подкручивая кончики. - Возможно. Или, возможно, они бы узнали, как наколдовать еду или отменить Смертельное Проклятие. Возможно, мы никогда не узнаем, на какие подвиги способна магия гоблинов. Страх, похоже, сильнее надежды.

Класс покинул историю в гораздо более противоречивом настроении, чем когда они пришли - даже конфликтном, поскольку профессор Фламель разделил класс на две части и поставил им противоположные эссе: одна половина должна была выступать за то, чтобы гоблинам разрешалось пользоваться волшебными палочками, другая - против этого. К великому ужасу Драко, ему было поручено отстаивать сторону гоблинов в дебатах.

После истории была трансфигурация, которую они проходили с Гриффиндором. Завершив тему одновременного формирования, они теперь приступали к задаче полной трансфигурации. Эта тема, которая касалась преобразования целого объекта, а не его отдельных частей, привела их к последней главе «Руководства для начинающих по трансфигурации». Это был последний кусочек головоломки трансфигурации неодушевленных предметов, и после того, как он был освоен, теоретически это означало, что класс обладал знаниями для трансфигурации любого неодушевленного предмета, который им нравился.

Для большей части класса полная трансфигурация была кошмаром. В ней было собрано воедино все, чему они научились на сегодняшний день, выявляя любой пробел в знаниях студента, любую слабость понимания или непрактичный принцип. Даже Гермиона, которая обычно так быстро осваивала трансфигурацию и которая четко понимала каждую составную часть неодушевленной трансфигурации, казалось, боролась с ключевой концепцией, которая объединяла все, что они изучали, - Консенсусом Дамблдора.

- Здесь нет физических веществ во множественном числе, - объясняла МакГонагалл, расхаживая перед доской с необычным волнением в голосе. - Есть только универсальная субстанция, магия-в-бытии, которая проявляется с разными свойствами под разными обличьями. То, что вы привыкли считать отдельными веществами - железо, дерево, стекло - отличается только формой, а не природой. Только когда вы поймете эту истину, вы овладеете полной трансфигурацией, ибо только тогда вы перестанете пытаться изменить магическую сущность вещи - что невозможно - и начнете изменять ее физическое проявление.

В отличие от остальной части класса, для Виктории тема полной трансфигурации была подобна разрезанию долгожданного праздничного торта. Она читала учебник бесчисленное количество раз, и последняя глава всегда казалась ей естественным и неизбежным завершением. Это просто имело смысл, как концовка детектива об убийстве - вы бы никогда не догадались об этом сами, но вы знали, что это правда, как только прочитали его. И кроме того, после всего, что она узнала об алхимии, описание материи МакГонагалл стало для Виктории второй натурой. В алхимии небесное и элементальное были просто разными способами понимания невыразимой истины, лежащей в основе материи, как использование разных языков для описания одной и той же вещи. Теория трансфигурации ничем не отличалась.

http://tl.rulate.ru/book/73152/2218023